

Елена Аркадьева

Секреты роковой шкатулки

ИЛИ

Я+ТЫ=Лучшие подруги

Елена Аркадьева

Секреты роковой шкатулки

«Автор»

2025

Аркадьева Е.

Секреты роковой шкатулки / Е. Аркадьева — «Автор», 2025

Иногда бывает опасно действовать без промедления, а ещё хуже - оказаться не в том месте и не в то время. Но я, похоже, напрочь решила игнорировать доводы рассудка, когда согласилась на авантюру бывшей одноклассницы - изображать девушку её брата на торжественном приёме по случаю приезда губернатора. Это решение обернулось для меня настоящей катастрофой. Во-первых, сам приём не задался с самого начала. Во-вторых, мой светский раут имел очень плачевные последствия. По какой-то роковой случайности я оказалась в другом мире, другой эпохе, в теле совсем юной девушки, оказавшейся наследницей древнего и могущественного магического рода. И всему виной - антикварная вещица, древний артефакт, который я нашла в старинном здании, где устраивалось торжество - музыкальная шкатулка с огненным рубином на крышке, способная переносить души людей в иные миры. Теперь я оказалась в круговороте опасных событий и вынуждена адаптироваться к новой реальности. И кто знает, что мне еще предстоит...

© Аркадьева Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Аркадьева

Секреты роковой шкатулки

Глава 1

«Совсем, видимо, разум потеряла!» – отчитывала я себя, проклиная опрометчивость, с которой согласилась на эту авантюру. И что в итоге? Очередной конфуз и какая-то томящаяся «беспросветность жизни»... Сразу было понятно, что добром это не кончится...

В этих мрачных раздумьях я поднималась по скрипучей лестнице старинного особняка, снискавшего себе славу исторической архитектурной достопримечательности в нашем небольшом провинциальном городке, куда я вернулась из областного центра буквально неделю назад.

Если пробежаться по моей биографии, то она окажется такой же незатейливой, как и у большинства жителей нашей провинции. Я, Лидия Новосёлова, в свои 32 года не имею ни важных чинов, ни званий, ни особых карьерных достижений, ни семьи, ни детей. Всё печально и грустно.

Мои родители когда-то работали на местном заводике и ушли в «мир иной» как-то разом, буквально один за другим. Мама, сколько себя помню, постоянно болела, а после несчастного случая на производстве, унесшего жизнь отца, как-то совсем сникла и отдала Богу душу буквально за пару недель.

С двенадцати лет растила и воспитывала меня баба Зина, тихая, спокойная, умудренная жизненным опытом милая женщина, которая приходилась вроде бы двоюродной сестрой моей бабке по материнской линии. В её жизненные ценности не входила тяга к материальным благам, и всю свою жизнь она посвятила помощи ближним и заботе о страждущих...

Так и мыкались мы с ней в однокомнатной квартирке на окраине нашего городка, устраивая свою жизнь на две крошечные пенсии: по старости и по потере кормильца. В этой квартирке я и оказалась неделю назад, вернувшись в родные пенаты, подальше от суеты и бездушности столичной жизни, хотя дальше столицы региона я так и не выбралась...

Отчетливо вспомнилось то злополучное утро, когда после пробежки по парку мне захотелось выпить чистой питьевой воды, которую накануне я просто забыла купить в местном супермаркете. Вот уже два года, как я работаю инструктором по фитнесу, и держать своё тело в тонусе – моя прямая профессиональная обязанность. Кто же пойдёт на индивидуальные занятия с инструкторшей, которая не смогла скорректировать свои личные проблемные зоны?!

До ближайшего магазина идти мне стало неохота, целых два квартала, далековато. А пить ужасно хотелось. И я под села за столик местного общепита, то ли «Чайная», то ли «Кофейня», которая уже работала в этот ранний час, зазывая прохожих запахом свежеспеченных булочек. Заказав бутылку минеральной воды, я стала осматриваться по сторонам, сравнивая свои прошлые, практически детские воспоминания об этом месте с современной реальностью, пока не услышала за спиной громогласное восклицание:

– Лидка, ты что ли! Сто лет тебя не видела!!!

От неожиданности я подскочила на месте и едва не свалилась со стула, потеряв равновесие при возврате на эту ненадежную пластиковую конструкцию.

– Ну, прям глазам своим не верю! Какая же ты красавица!!! – продолжала хозяйка зычного голоса, причем восхищалась она моей внешностью, казалось, вполне искренне.

Я оторопело посмотрела на полногрудую, внушительных размеров даму, которая являлась обладательницей этого раскатистого контральто, пытаюсь одновременно вспомнить, где мы ранее могли с ней встретиться, памятуя о ста годах нашей неоспоримой разлуки...

– Не узнаёшь что ли?!? – продолжала «знакомая незнакомка» и заливисто рассмеялась. Получалось у неё это как-то по-особенному, казалось, что она вот-вот захлебнётся от собственного хохота, что её надо срочно успокоить и остановить, пока не произошло непоправимое...

Что-то смутно знакомое, из далёкого детства, неуверенно «выкарабкивалось» из закоулков памяти. «Танька!» – пронеслось у меня в голове.

– Танька?! – повторила я вслух.

– Узнала всё-таки, чертовка! – довольно хмыкнула бывшая одноклассница, с которой мы просидели за одной партой не меньше восьми лет. После школы наше общение постепенно сошло на «нет». Я поступила в педагогический институт, который располагался в областном центре, а она осталась в родном городке. Первое время после окончания школы мы редко-редко, но всё же встречались. Я приезжала на выходные и каникулы проведать бабу Зину, но после её кончины меня сюда совсем перестало тянуть.

– Ну как ты? Какими судьбами??? – глядя на меня во все глаза, любопытствовала подруга детства, присаживаясь на свободный пластиковый стул за моим столиком. Я с опаской покосилась на эту хлипкую конструкцию относительно весомых габаритов Татьяны и облегченно вздохнула, убедившись, что стул устоял...

Посидели мы с ней душевно. Подруга рассказала, что вышла замуж за Васятку, паренька из параллельного класса, и родила троих детей. Между родами успела выучиться на парикмахера, визажиста, мастера по маникюру и сейчас имеет небольшой салон красоты, но в центре города. Там вместе с ней трудятся ещё две девушки, такие же специалисты широкого профиля, но работы на всех хватает, потому что основная клиентская база уже наработана, Татьяну любят и ценят, в общем – жизнь удалась!

Я же поведала, что решила вернуться в родной городок, особо не распространяясь о причинах, побудивших меня сделать этот шаг. Нет, я ещё не знаю, чем здесь буду заниматься, но к прежней «столичной» жизни вряд ли вернусь. На первых порах решила сделать ремонт в своей квартирке, а дальше – время покажет. Моей школьной подруге совсем незачем знать, что я настолько увязла в длительной депрессии, что хоть волком вой от тоски и одиночества...

– Слушай! – вдруг воскликнула Татьяна – Да мне тебя сам Бог послал!

От этой фразы, слишком эмоционально вылетевшей из уст подруги, мне стало как-то не по себе. Я ощутила нехорошее предчувствие, но одноклассница с энтузиазмом продолжила:

– Помнишь моего младшего брата Димку? Ну, того самого, что вечно таскался за нами со своими детскими слезами и соплями?

– Помню, – осторожно подтвердила я, пока не понимая, куда она клонит.

– Так вот, он сейчас очень важная персона, уже не Димка, а Дмитрий Андреевич, первый заместитель первого заместителя Главы нашего муниципального образования! – с особой гордостью и торжественностью продекларировала Татьяна.

То ли от слишком напыщенного тона одноклассницы, то ли от непонятной лично мне занимаемой должности Танькиного братишки, я развеселилась переспросив:

– Это – то самое Конопатое недоразумение (именно так мы поддразнивали Димку в далёком детстве)? Приятно удивлена! – память нарисовала яркий образ паренька с россыпью золотистых крапинок веснушек на всех видневшихся местах: щёки, уши, нос, плечи, руки и т.д. У Димки они были везде!

Подруга весело хохотнула, но деловито продолжила:

– Димка повзрослел, возмужал, да и веснушек сейчас нет совсем, только вот в личной жизни парню не везёт. Влюбился по уши в одну особу, встречался, всё честь по чести – любовь-морковь, а она возьми, да выйди замуж за сына губернатора! Вроде Димка ей – «не по Сеньке шапка», амбициозная дама оказалась! Вот уж полгода после их свадьбы прошло, но братец никак отойти не может, страдает, сам же их и познакомил на свою голову, – вздохнула подруга.

Я из солидарности тоже выдала что-то нечленораздельное, типа:

– М-м-м-м... – тоскливым тоном подтверждая равнодушие к Димкиным переживаниям. Меж тем Татьяна снова оживилась:

– А что ты завтра вечером делаешь? – спросила она в лоб.

Этот вопрос застал меня врасплох:

– Ну, не знаю пока, – растерялась я, смекая про себя: «Это она к чему интересуется? Только сводничества мне здесь не хватало!»

– Понимаешь, завтра в городе небольшой официальный прием по случаю открытия отреставрированной части Сенаторского особняка, который решили передать здешнему краеведческому музею. Сам губернатор обещал быть, а это значит и местное телевидение, и репортеры всех мастей: из области и наши, доморощенные. В общем, знатная шумиха может выйти. А Димке речь по случаю этого самого открытия доверили сказать. Только, боюсь, что если там его зазноба бывшая появится (она как раз на телевидении работает), братец совсем поплыть может. Ему группа поддержки будет нужна...

– Что-то не совсем тебя понимаю, – озадачено покачала я головой.

– Ну, ты у нас девка видная, красивая, – перебила меня одноклассница, – с такой не стыдно и в свет, и в мир, и на добрый пир! Тебя и снарядим Димкиной группой поддержки...

– С ума сошла! – гневно зашептала я, даже голос пропал от возмущения. – Как ты это себе представляешь?

– Всё просто! Выдадим тебя за новую даму сердца благородного рыцаря Дмитрия Андреевича, – воодушевленно вещала подруга, у которой, по-видимому, от разыгравшегося воображения ярче загорались глаза, – пусть его Каталея (имя-то какое, тьфу), видимо решившая, что он по ней век сохнуть будет, подавится!

Победоносно закончив свою мстительную словесную тираду, Татьяна деловито набрала номер телефона и торжественно провозгласила взявшему трубку абоненту:

– Димка! Радуйся! Я тебе нашла шикарную, умопомрачительную, сногшибательную даму для приема по случаю приезда губернатора...

Это было заявлено таким тоном, что ни я, ни Димка даже не могли возвать Татьяну к голосу разума! Возражения не принимались!!!

«Вот Лидия, докатилась ты и до эскорта!» – медленно проваливаясь в глубокий сон, корила я себя, вспоминая события сегодняшнего утра и негласное согласие на участие в Татьяниной затее...

На следующий день после предложенной подругой авантюры мы договорились встретиться в первой половине дня, чтобы подобрать наряд для официальной вечеринки по случаю открытия нового здания краеведческого музея, или, как пафосно озвучила Татьяна: «Продумать образ!».

Далее по плану – спа-процедуры, маски красоты, маникюр, педикюр, прическа, макияж – всё, что нужно в таких приготовлениях и «за счет заведения», а вернее сказать за счет одноклассницы – инициатора всей этой суеты. В случае успешного проведения операции под названием «Сдохни от зависти Бывшая Димки», Танькиными заверениями мне были обещаны сеанс расслабляющего релакс – массажа и бесплатный маникюр пожизненно.

Первые трения между нами начались с похода в магазин за «платьем мечты», как это представлялось Татьяне. Платье должно быть мини, чтобы открыть мои «сногшибательные» ноги, но с глубоким декольте, чтобы не прятать то, что подарено природой...

По правде сказать, моё тело к 32 годам, не познавшее физических тягот материнства и в сфере профессиональной деятельности привыкшее к спортивным нагрузкам, действительно было в отличной форме, но облачаться в платье, соответствующее вкусу подруги, я не собиралась.

Мне были более близки элегантные сдержанные образы, поэтому я сразу обратила внимание на длинное чёрное платье в пол с минималистичным дизайном. Мне понравилась строгость и изысканность этого наряда.

Татьяна настаивала на ярком и броском образе. Её взгляд сразу же упал на короткое красное платье с пышной юбкой и открытыми плечами. Она была в восторге от экстравагантности этого одеяния.

У нас началась оживлённая дискуссия, грозящая перейти в ссору. Татьяна считала мой выбор скучным и неинтересным, настаивая, что в этом «деле» мне нужно что-то более яркое и вызывающее...

Спасибо продавцу – урезонила потенциальных клиентов! К нашему взаимному облегчению девушка-консультант вынесла из недр торгового зала изящное вечернее платье, в котором золотистые отблески и переливающиеся нити создавали эффект сдержанной роскоши. Короткая длина подчеркнёт стройные ноги, но никаких глубоких декольте и оголённых плеч в этой модели, к моей радости, не наблюдалось. Простой изысканный крой и мягкая приятная ткань радовали глаз.

Наше обоюдное согласие по случаю данного выбора вселило уверенность, что мы сможем со всем этим справиться!

Дмитрий очень любил свою старшую сестру. Любил со всем её максимализмом – всё только белое или черное; плохое – хорошее, злое – доброе... Ему нравился Татьянин оптимизм, неизменная вера в светлое будущее как лично своё, так и всех «собравшихся на этом празднике» жизни. «Пусть всем будет хорошо!» – гласило её кредо.

Когда Татьяна объявила, что нашла даму, которая нуждается в том, чтобы быть представленной в высших кругах местного общества, он и подумать не мог, что основные тяготы и заботы сестринской любви коснутся напрямую его персоны.

«Чем с ней спорить, проще опилки съесть», – приговаривала в своё время их матушка, описывая безнадёжность данного мероприятия.

Подъехав к салону сестры на своём представительском авто, будущий мэр, а именно так он себя позиционировал, поднимаясь достаточно уверенно по карьерной лестнице, с удивлением обнаружил, что сегодня в его компаньонки Татьяна определила свою бывшую одноклассницу, Лидию Новосёлову. Он был абсолютно уверен, что уж у этой красивой «куклы» жизнь сложилась на все 200%.

Её внешность попирала все допустимые нормы приличия провинциальной жизни. А когда «её высочество» вышло из Танькиного салона во всей красе, то по местным меркам – это был откровенный «моветон», и, конечно же, появление Дмитрия Андреевича на широкой публике в таком сопровождении не могло остаться незамеченным.

У будущего мэра даже глаз задергался от предчувствия понятных пересудов и сплетен, что же вы хотите – провинциальная жизнь выдаёт свои требования к новостным сенсациям. А то, что из этого совместного тандема репортёры от мала до велика будут выуживать именно эту пикантную подробность, сомневаться не приходилось.

Стоило только вспомнить, что ему пришлось пережить, когда Каталя Деркач, диктор местного телевидения, с которой он встречался почти два года и даже намеревался сделать предложение «руки и сердца», вдруг заявила, что выходит замуж за его приятеля Виктора Антипина, по нелепой случайности оказавшегося сыном губернатора.

Но, похоже, его нынешняя спутница даже не подозревала о масштабах последствий этого необдуманного шага... «Что же, тем хуже для неё», – зловредно подумал будущий мэр.

Сухо поздоровавшись с обеими дамами, Дмитрий Андреевич галантно помог Лидии сесть на заднее сиденье своего автомобиля и дал команду шофёру срочно выдвигаться, чтобы избежать ненужных разговоров и указаний от своей старшей сестры. К тому же до начала офи-

циального приёма оставалось каких-то пятнадцать минут, а ему ещё требовалось собраться с мыслями перед предстоящей вступительной речью.

Сейчас больше всего на свете мне хотелось домой и спать. Я так устала за день от этих изнурительных процедур красоты, от постоянной Танькиной болтовни и урегулирования разногласий по поводу образа «Девушки её брата»...

Категорически отвергнув предложенные одноклассницей кудри, мы оставили мои прямые пряди, слегка оживив их дополнительным объемом. Отстояла я и натуральный макияж. Акцента на глаза с помощью теней, чуть туши и нюдовой помады было вполне достаточно. Но когда я облачилась в купленное утром платье, то поняла, что мы совершили фатальную ошибку – при дневном свете моя персона выглядела как новогодняя ёлка в блестящей мишуре. Э-э-эх, как досадно! Даже элегантные чёрные туфельки на изящном каблуке не спасали картину.

Подруга, видя мои сомнения, предложила накинуть на плечи лёгкий плащик, чтобы при дневном свете мой наряд не сильно «резал глаз», а на самом приеме, при искусственном освещении, этого эффекта заметно не будет. Элегантный тренч по моему размеру нашёлся у Татьяниной партнёрши по салону, которая, будучи втянута в наши приготовления, безропотно отдала мне его на весь вечер.

Уже сидя в Димкиной машине, я почувствовала, как меня охватывает паника. Сказать по правде, мне никогда не доводилось быть на подобных мероприятиях. Сердце колотилось так, что его стук отчётливо отдавался в ушах, ладони вспотели, а во рту пересохло.

Чтобы немного успокоиться, я решила просто смотреть в окно. Почти прижавшись лбом к холодному стеклу, наблюдала за мелькающими деревьями, домами, прохожими, которые спешили по своим делам, и им совсем не было дела до моих тревог.

Потихоньку мне удалось взять себя в руки, и я стала осматриваться вокруг себя. Отъехав от Татьянинного салона, Дмитрий Андреевич сразу же уткнулся в какие-то бумаги, не удосужившись перекинуться со мной даже парой фраз. Действительно, он повзрослел и возмужал с тех пор, как я видела его в последний раз на нашем с Татьяной выпускном вечере.

Сегодня я встретила нового Димку, высокого и подтянутого, с осанкой человека, привыкшего держать себя уверенно. Его волосы, когда-то рыжие и непослушные, были аккуратно зачёсаны, придавая ему солидный вид. Глаза излучали спокойную решительность успешного человека. Дорогой, но сдержанный костюм идеально подчёркивал его статус. «Как жаль, что от озорных веснушек юности не осталось и следа», – пронеслось в моей голове.

Меж тем мы всё ближе подъезжали к Сенаторскому особняку, реставрация которого стала основной и главной причиной сегодняшнего события.

Насколько я помню, «Сенаторским» это здание в народе называли ещё со времён моего детства. История гласила, что в середине XIX века некий крупный здешний землевладелец Леонид Волхонский, избранный в Государственный Совет, получил титул сенатора. Желая соответствовать этому статусу, он на одной из центральных площадей города возвёл двухэтажный особняк в стиле позднего классицизма, пригласив для этого из самого Санкт-Петербурга известнейшего в те времена архитектора. После революции этот дом национализировали, и долгие годы здесь размещались различные государственные учреждения – от школы до суда. И вот сегодня одна из главных архитектурных достопримечательностей нашего городка была готова торжественно перейти под ведомство местного краеведческого музея...

Незадолго до прибытия в финальный пункт нашего следования, я решила уточнить, будет ли там работать гардероб, где бы я смогла оставить свою верхнюю одежду. Димка растерялся, поняв, что я обращаюсь к нему, пробормотал что-то себе под нос, из чего я сделала вывод, что он, конечно же, не в курсе таких подробностей.

В наш диалог вмешался водитель, Володя (его имя я успела узнать из небольшой беседы Дмитрия Андреевича с шофёром во время поездки), и предложил оставить все ненужные на

приёме вещи в салоне машины, так как сомнения по поводу работы гардероба в это время года кажутся ему вполне резонными. Приняв это во внимание, я сняла свой лёгкий плащик, прикрывавший мой сверкающий наряд, и решила выйти из машины «во всём блеске», в самом прямом смысле этого слова.

Подъехав к парадному входу, Владимир степенно вышел из машины, как и полагается водителю такого автомобиля, не торопясь открыл дверцу со стороны сидящего Дмитрия Андреевича и галантно застыл в ожидании того, когда Димка покинет салон авто. Затем тем же манером он распахнул дверь с моей стороны, но при этом протянул руку, чтобы я смогла на неё опереться. Это было очень кстати, так как от нахлынувшего волнения тело перестало меня слушаться...

Глава 2

Дмитрий Андреевич, в тридцать один, год стремительно ворвался в политическую жизнь родного городка. Окончив престижный университет и проработав несколько лет в компании федерального значения на руководящих должностях, делая при этом головокружительную карьеру, он вернулся в родные пенаты, полный амбиций и жажды перемен. Довольно быстро он смог освоиться в местных политических кругах, благодаря своей харизматичной натуре и необходимым связям. Этому способствовала и дружба с сыном губернатора области, с которым они приятельствовали со студенческих лет.

Несмотря на сравнительно молодой возраст, Дмитрий уже успел зарекомендовать себя как решительный и дальновидный лидер. Многие прочили ему большое политическое будущее. По слухам, его уже заметили в региональном отделении ведущей партии и рассматривают как перспективного кандидата на более высокие посты.

Сегодняшнее мероприятие для Дмитрия Андреевича, где ему доверили сказать приветственную речь, было еще одним кирпичиком в построении его политической карьеры. Шумиха, поднимаясь в общественных кругах по поводу решения местных властей преобразовать здание Сенаторского особняка, являющееся культурно-исторической ценностью города, под нужды краеведческого музея, привлекла внимание самого губернатора.

Дело в том, что новость о реставрации Дома сенатора встретила неоднозначную реакцию у горожан. Ряд жителей и общественных деятелей выступили с резкой критикой данного решения. Они опасались, что реконструкция здания нарушит его исторический облик и архитектурную целостность. Звучали призывы сохранить памятник в первоизданном виде, не допуская никаких изменений.

В то же время другая часть жителей города, с энтузиазмом поддержала идею открытия в Сенаторском особняке краеведческого музея, здание которого вот уже который год находится в аварийном состоянии. Именно заверения самого губернатора области о том, что реставрация особняка будет проведена обстоятельно, с привлечением лучших в этом деле специалистов, с сохранением уникальных архитектурных особенностей, помогли достигнуть консенсуса в этом вопросе.

Сегодня, на официальном приёме, были представители обеих сторон, и все с нетерпением ждали приезда губернатора, возможность присутствия которого, ввиду непомерной занятости, была под большим вопросом.

Когда его спутница вышла из машины, Дмитрий оторопело уставился на её роскошное платье, приковывающее к себе непомерное внимание.

«Ну, это уже слишком!» – пронеслось в голове у брата Татьяны... Мало того, что бывшая одноклассница его сестры обладала незаурядной внешностью, но напялить на себя это сверкающее безумие – всё равно, что выйти с красной тряпкой в стадо неуправляемых быков.

Предчувствия его не обманули...

Едва они появились в поле зрения собравшейся публики, как все взоры тот час же были обращены в их сторону. Их пара явно притягивала взгляды всех присутствующих. Дмитрию показалось, что даже официанты на мгновение застыли, сгорая от любопытства, что уж тут говорить о представителях прессы! Послышались явные звуки работы фотокамер...

Мужчины в зале откровенно пялились на молодую женщину в сверкающем наряде, тем самым вызывая ярое неодобрение сопровождающих их дам.

Краем глаза Дмитрий Андреевич заметил Ольгу Николаевну, местную активистку и деятеля культуры, которая решительной походкой направилась к ним. Понимая, что встречи избежать не удастся, он чуть придержал Лидию за руку, тем самым дав повод для новой волны любопытства со стороны общественности.

– Дмитрий Андреевич, приятно видеть вас в такой знаменательный день, да ещё с такой очаровательной спутницей, – начала Ольга Николаевна, излучая присущее ей дружелюбие. – Не представите нас?

Но тут его удивила подруга Татьяны, решившая взять инициативу в свои руки:

– Добрый день, Ольга Николаевна! Мы с вами знакомы. Я, Лидия Новоселова, вы у нас в школе вели предмет краеведения. Вот узнала о таком грандиозном событии в жизни родного города из прессы, не могла усидеть дома и приехала, чтобы увидеть всё своими глазами. А Дмитрий Андреевич был так добр, что взял меня с собой на официальное открытие по старой дружбе.

– Лидушка! – всплеснула руками собеседница. – Конечно, я помню и тебя, и бабушку твою, Зинаиду Петровну.

Сентиментально приобняв девушку за плечи, со словами: «Пойдём, я всё тебе сама покажу!» – Ольга Николаевна потащила Лидию в глубину отреставрированных залов.

«У-у-уф», – выдохнул Дмитрий и с неожиданным для себя удовольствием подумал, что бывшая одноклассница его сестры не только красивая, но, возможно, и умная...

Войдя в холл особняка в сопровождении брата Татьяны, я снова почувствовала себя неуверенно. Сразу столько ненужного внимания, оценивающие взгляды, полуулыбки, полуухмылки. Мне стало не по себе, словно я попала в чужой мир, где не знаю правил поведения. Стараюсь держаться с достоинством, я словно балансировала на грани, опасаясь сделать неверный шаг и оказаться белой вороной среди этого статусного сообщества. Обрывки заумных речей, деловых разговоров, скрытые намёки и лёгкая ирония в голосах – всё это было мне неведомо и чуждо.

Увидев в «толпе сильных мира сего» знакомое лицо Ольги Николаевны, я немного успокоилась и была очень рада, что эта милая и интеллигентная женщина в буквальном смысле утащила меня за собой от всех этих любопытствующих взглядов, в том числе, освободив меня и от Димкиного общества.

Эта деятельная дама в свои шестьдесят лет не растратила своего оптимизма и с профессиональным рвением показывала мне результаты реставрационных работ в Доме сенатора.

Реставраторам, действительно, удалось воссоздать интерьеры прошлой эпохи – от изысканной гостиной в стиле модерн до кабинета главы семейства в классическом стиле. Здесь была и сохранившаяся оригинальная мебель, и художественные полотна, и просто предметы быта, которые погружали посетителя в атмосферу ушедшего времени.

Было очевидно, что Ольга Николаевна была особо горда проделанной работой, и ей нравилось моё искреннее восхищение полученными результатами. Бывшая учительница поведала, что до полного окончания реставрации ещё немало придётся потрудиться, и поэтому очень важна поддержка руководства области, в том числе и материальная.

Вскоре мы вернулись в уютный выставочный зал, где играл приглашенный оркестр. Насколько я могла заметить, музыкальная программа вечера включала в себя известнейшие произведения величайших композиторов – от классических сочинений Чайковского и Рахманинова до изящных и лирических композиций Дебюсси и Дворжака.

Ольга Николаевна быстро покинула меня, возвратившись к своим делам, а я осталась наслаждаться игрой музыкантов, каждое исполнение которых было наполнено выразительной динамикой и безупречной слаженностью.

– Вы новая пассия Дмитрия Андреевича? – услышала я за спиной приятный женский голос.

Обернувшись, увидела красивую молодую женщину в модном брючном костюме. Её волосы цвета воронова крыла каскадом спадали на плечи, придавая особый шарм всему облику

незнакомки. Тёмные глаза с поволокой, подчёркнутые дымчатым макияжем, излучали уверенность и внутреннюю силу.

Я ещё ничего не успела ответить, как к нам подскочил взъерошенный Димка и начал свирепо шипеть на мою предполагаемую собеседницу:

– Катаlea, что тебе здесь надо?! Ищешь очередную сенсацию?! – яростно сверкал он глазами, готовыми от негодования вылезти из орбит.

Девушка картинно откинула голову назад и залиvisto рассмеялась.

– Ты, Димочка, только не тупи на этот раз, «не маринуй» девчонку, а сразу бери быка за рога и бегом в ЗАГС. А то, глядишь, опять «уведут», – с сарказмом в голосе успела заметить Катаlea, грациозно повернулась и горделиво пошла прочь от нас, одаривая ароматом дорогого парфюма, оставляющего шлейф загадочности и притягательности.

Вдруг она остановилась на полпути, повернулась в мою сторону и, одарив меня тёплым взглядом, неожиданно произнесла:

– А вам желаю удачи!

Взглянув на брата Татьяны, лицо которого выражало сейчас глубокую печаль и отчаяние, я поняла, что Димкина рана ещё долго не заживёт. Его такие яркие и живые глаза теперь были затуманены болью. Мне показалось, что он даже сторбился, как будто на его плечи навалилась непосильная ноша, которую он не в силах вынести. По правде сказать, эта мимолётная встреча Дмитрия Андреевича со своей «бывшей невестой» просто выбила его из колеи, и «группа поддержки» в моём лице этому даже поспособствовала.

Губернатор так и не приехал. Димка вполне сносно отработал свою приветственную речь и, передав слово директору краеведческого музея, смешался с толпой.

Затем было ещё пять или шесть выступающих, все они говорили примерно одно, и тоже, как правило, кого-то благодарили, чем-то восхищались. Я особо не вдумывалась в смысл сказанного, да и, честно говоря, не хотелось.

Я была предоставлена сама себе, потихоньку разглядывала присутствующую публику и с нетерпением ждала момента, когда можно будет покинуть затянувшееся мероприятие...

Катаleю я больше в этот вечер не видела; видимо, узнав, что губернатора не будет, она уехала ещё до начала торжественной части. Ольга Николаевна тоже куда-то пропала.

Когда официальная часть была завершена, всех гостей пригласили на праздничный фуршет. За бокалами изысканного вина продолжали звучать слова благодарности в адрес организаторов мероприятия.

Фуршетные столы были расставлены таким образом, чтобы гости могли свободно перемещаться и взаимодействовать. Вышколенные официанты предлагали горячительные напитки, постоянно обходя присутствующих гостей. Звучали тосты за процветание краеведческого музея и сохранения исторического памятника родного города. Атмосфера становилась всё более непринуждённой, чаще звучал смех, громче становились высказывания. Публика постепенно напивалась...

Я тоже позволила себе присоединиться к гастрономическому этапу сегодняшнего вечера, попробовала изысканные канапе с различными деликатесными ингредиентами, рулетки из лосося и мини-тарталетки, разрешила себе пригубить бокал шампанского, поддаваясь общему настроению.

Вдруг на другом конце зала я заметила Димку. Он бродил между столов, заметно пошатываясь, глупо улыбаясь и картинно кланяясь всем гостям, из чего я сделала вывод, что парень перебрал горячительного и изрядно напился.

Заметив меня, он дурашливо раскинул руки в стороны и вальяжной походкой пошёл в моём направлении.

– Красота моя ненаглядная, – зычно крикнул Димка (видно, это у них с Танькой семейное), привлекая опять всеобщее внимание к нашей паре, – а пойдём-ка танцевать!

Подскочив ко мне в своем пьяном кураже, он потащил меня в центр зала. Открыто сопротивляться не хотелось, но и отплясывать с нетрезвым партнёром никакого желания не было. Пытаясь удержать Димку от этого безумия, я крепко схватила его за руку и решительно повела к выходу. Поначалу он обмяк и даже поплёлся следом, но в этот момент призывно заиграла музыка, и парень вспомнил о своём намерении пуститься в пляс.

– Дима! – испуганно вскрикнула я, – Мы так не договаривались!

– Мы вообще с тобой никак не договаривались! – зло выдохнул мне в лицо Дмитрий Андреевич.

И тут меня осенило: «А ведь он прав!» Нашей посредницей в этом тандеме оказалась Татьяна, а с самим участником «тайного сговора» мы едва ли обмолвились парой фраз.

Тем временем всё больше любопытствующих оборачивалось в нашу сторону, и от этого повторного, пристального внимания становилось всё больше не по себе. Мне хотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть эти надменные, насмешливые взгляды «все понимающей толпы».

К моему облегчению, на помощь подоспел Володя.

– Дмитрий Андреевич, – деловито сказал личный водитель разгулявшегося политика, – вам нужно передохнуть, подышать свежим воздухом, а танцы подождут.

Затем, красноречиво заглянув мне в глаза, тихо прошептал: «Повезу его домой, пусть проспится». Я понимающе закивала и, облегченно вздохнув, передала Димку в более надежные руки.

Проводив их взглядом до двери, я поздно вспомнила, что оставила свой плащ на заднем сидении машины. Тихо, без суеты, во избежание излишнего любопытства оставшихся приглашенных, я посеменила к выходу, но увидела лишь задние фары отъезжающего автомобиля.

«Опоздала!» – горестно осознав факт утраты плаща, передо мной встал актуальный вопрос: как я доберусь на свою окраину в этом злополучном сверкающем наряде? На улице было ещё достаточно светло, что грозило мне стать бельмом на глазу любого прохожего. К тому же каблуки моих выходных туфель не располагали к длительным пешим прогулкам. Такси я вызвать не могу, пластиковая карта осталась в кармане плаща, а наличных у меня с собой нет.

Набрав Татьянин номер телефона, я попыталась кратко описать бывшей однокласснице сложившуюся ситуацию. Подруга, недолго думая, предложила мне чуть-чуть подождать её мужа, который вот-вот придёт с работы и сразу же выдвинется в моём направлении, чтобы благополучно доставить домой. Я уточнила, сколько по времени может занять эти её «чуть-чуть и вот-вот», на что бывшая одноклассница уверила, что Васятка заберет меня с этого неудачного вечера максимум через сорок минут.

Другого выхода я пока не видела, так что решила дожидаться Васятку прямо здесь, в здании, чтобы не разминуться.

В банкетный зал я не вернулась, а тихонечко двинулась в ту часть Дома сенатора, которая была прикрыта от посторонних глаз специальными строительными фальш-панелями, и прошмыгнула за полог. Тут еще полным ходом шли реконструкционные работы: всюду валялись какие-то вспомогательные приспособления, укрывной материал, что стелили на оригинальный паркет для защиты, банки из-под краски, сломанные кисточки, инструменты, деревянные леса, словом, никто не озаботился тем, чтобы навести здесь хотя бы маломальский порядок.

Чуть поодаль от занавеса расположилась широкая лестница, которая и привлекла моё внимание. В ожидании мужа подруги я решила взглянуть на свой родной городок с ракурса второго этажа самого популярного здания в нашей провинции.

«Совсем, видимо, разум потеряла! – поднимаясь по ступенькам, отчитывала я себя за поспешность решения принять участие в этой аванюре, – Сразу было понятно, что добром это вряд ли может закончиться»...

Остановившись напротив огромного слухового окна, я заворуженно посмотрела вдаль. Золотистые лучи заходящего сентябрьского солнца заливали улицы теплым, мягким светом. Багряно-желтая листва осенних деревьев медленно опадала, устилая землю разноцветным ковром. В рассеянных солнечных лучах отчетливо проступали очертания других исторических построек города, словно оживляя их старые стены. Ощущение покоя и умиротворения вдруг наполнило меня от увиденной красоты близлежащих окрестностей, казалось, что всё самое худшее уже позади – я вернулась домой!

Где-то внизу заиграла музыка старинного вальса. Мне показалось настолько органичным звучание этой мелодии в данном месте, что невольно представились картины исторических событий, возможно, когда-то бывших явью этого дома старой ушедшей эпохи.

Освободившись от туфель, я на цыпочках, спасая сохранность чулок, начала невольно пританцовывать и вальсировать, скользя по старому паркету, плавно обходя кучки опилок, строительного мусора и зияющие дыры в старых перекрытиях между этажами.

Вдруг взгляд мой привлек некий предмет, как будто застрявший между старыми лагами в одной из пробоин в полу. Он призывно мерцал сквозь постепенно надвигающийся сумрак неосвященного помещения. Я как заворуженная потянулась за этой «прелестью», встав на четвереньки возле дыры, но рука не дотягивалась до желаемого. Мне пришлось опуститься на старые лаги и по ним чуть-чуть продвинуться вперед, чтобы нащупать вожаделенную цель.

Это была небольшая старинная шкатулка из ценных пород дерева, изящно украшенная россыпью искрящихся драгоценных камней. На крышечке этого чуда антикварного искусства красовался огромный рубин невероятного алого оттенка. Он искрился и переливался всеми гранями, будто пульсируя внутренним пламенем. В последних лучах заходящего солнца он казался живым, завораживая и притягивая к себе взгляд.

Я не удержалась и дотронулась до него, едва коснувшись подушечками пальцев. Крышка шкатулки откинулась, и оттуда полилась нежная мелодия, по странному совпадению вторившая музыке звучавшего вальса. Маленькая балерина, оказавшаяся запертой внутри этой великолепной реликвии, как будто встрепенулась и начала выделять замысловатые па, плавно скользя над отполированным донышком, словно по речной глади.

Следя за маленькой танцовщицей, я совсем забыла о ходе времени: странно, но мелодия всё не кончалась и не кончалась. Она словно растекалась маленькими ручейками звенящих колокольчиков, очаровывала нежными звуками, создавая ощущение парения в воздухе, легкости и воздушности.

Вдруг почувствовав, как уходит опора из-под ног, я не успела ничего предпринять, ощутив состояние падения, и провалилась в темноту...

Глава 3

«Моя нога!!!» – боль в левой нижней конечности резко дала о себе знать. Понимая, что лежу в крайне неудобной позе, попробовала пошевелиться, но новая волна острой боли вызвала у меня произвольный, но душераздирающий стон. Сама от себя такого не ожидала...

– Барышня! Дитяtko наше горемычное, что же вы так неосторожно то. Разве можно девицам-то, таким как вы, взбираться так высоко-то, – щебетал вокруг меня заботливый старческий голосок.

– Баба Зина, ты что ли? – удивленно пролепетала я, так как голос очень напоминал бабушкин, а сама струхнула: «Я что, уже померла?»

– Ну что вы, барышня! Просто с лесенки этой проклятушей свалились, головкой ударились, – продолжала обладательница старческого голоса. А затем совсем уж ворчливо продолжила:

– Никакая я не баба Зина, Серафима я, никак запамятовали?

Силясь открыть глаза, я всё явственнее чувствовала острую боль во всём теле, но особенно в левой ноге.

– Ох-охо-хо, – продолжала хлопотать вокруг меня Серафима – Давайте-ка я помогу вам поднять головушку-то.

Она опустилась рядом со мной, чуть приподняла за плечи, и я почувствовала удобную опору под собой, что-то вроде диванной подушки.

Голове со временем стало легче и, наконец, открыв глаза, я увидела, что нахожусь в незнакомой комнате, где массивные дубовые полки, тянувшиеся до самого потолка, были заполнены книгами в старинных, дорогих переплётах. Полумрак, царивший в помещении, скрывал от меня истинные размеры этого места. Но я смогла разглядеть винтажный камин, над которым висела картина в золоченой раме.

Чуть поодаль стояли глубокие бархатные кресла. На полу лежал толстый персидский ковер с замысловатым восточным орнаментом.

«Странно, – подумала я, – но Ольга Николаевна не показывала мне этой комнаты. Как я вообще здесь оказалась и кто такая эта Серафима?»

Вслух же спросила:

– Где я? – но вопрос повис в воздухе...

Последнее, что я помнила, как вертела в руках найденную между старыми лагами Сенаторского особняка изящную шкатулку.

– А вот и она! – чуть успокоилась я, увидев, что антикварная вещица валяется чуть поодаль от меня.

Я нервно схватила её и тут же упала на подушку, взыв от пронизавшей всё тело боли. Скорее всего, старые лаги не выдержали мой вес, и я провалилась в другое помещение, а пушистый ковер на полу смягчил удар, вот почему я до сих пор жива, правда надолго ли...

Приближение Серафимы прервало поток моих отчаянных мыслей.

– Ох, барышня, барышня, куда ваша игрушка не денется, – продолжала ворчать женщина, – А книгу зачем вы эту проклятущую искали?

– А прием закончился? – перебила я ворчунью, про себя подумав, что знать не знаю ни о какой книге.

Серафима резко остановилась и оторопело уставилась на меня:

– Софьюшка, миленькая, – запричитала она, – Так приёмов у нас в доме и при батюшке то вашем никогда не было, а уж после его смерти...

Она не успела договорить, видно, сильные эмоции захлестнули старушку, и Серафима расплакалась, приговаривая:

– Ох, что-то уж сегодня совсем нехорошо с вами...

Превозмогая боль во всём теле, я ещё один раз сделала попытку подняться, но обескуражено опустилась назад.

Моя персона возлежала на ковре в каком-то длинном, старинном, незнакомом мне платье. Кто мог осмелиться меня переодеть, и что здесь, в конце концов, происходит?

Серафима увидела мои потуги и запричитала:

– Барышня, миленькая, вы никуда не двигайтесь. Сейчас Петруша отнесёт вас в вашу опочивальню.

Тут я смекнула, что происходит что-то поистине странное и необъяснимое, так как моей опочивальни в этом доме никак быть не могло.

Между тем Серафима куда-то удалилась и вернулась в сопровождении знатного бугая, очень примечательного вида. Это был высокий, широкоплечий парень с мощной фигурой, словно высеченной из камня. Весь его облик свидетельствовал о не дюжей физической силе. Однако, несмотря на внушительное телосложение, его лицо выглядело несколько простоватым. Крупные черты, приплюснутый нос и немного выпученный взгляд придавали ему слегка неотесанный деревенский вид. Впрочем, это несколько не умаляло общего впечатления природной мощи и грубоватой мужественности. Здоровый румянец на щеках дополнял образ молодого богатыря, чья внешность была далека от утонченности, но в то же время внушала невольное уважение.

Петруша легко подхватил меня на руки, словно я вообще не имела веса, и понёс, минуя полутёмные коридоры большого дома.

Моя голова просто «разрывалась» от всяческих предположений, тело ныло, вероятнее всего, от падения, а левая нога болела просто невыносимо.

Вскоре мы очутились в довольно просторной комнате с высокими потолками и изящной лепниной. Массивные зелёные портьеры из дорогого бархата спадали великолепной драпировкой, прикрывая огромные окна и впуская приглушённый свет опустившихся сумерек.

Центром комнаты явилась роскошная кровать с резными подголовниками и внушительным балдахинном, занавешенным тяжелыми бархатными занавесями в тон портьер.

Петруша привычным манером опустил моё бедное тело на мягкие перины и отошел вглубь комнаты. Серафима, видимо, бежала следом и очутилась в «опочивальне» одновременно с нами.

– Послать за доктором, барышня? – и, не дожидаясь моего ответа, властно крикнула, – Лизка, ты где?

На её зов очень скоро явилась субтильная девица, которая, как выяснилось в последствие, являлась обладательницей этого красивого имени.

Она понимающе взглянула в мою сторону и как-то разом засуетилась.

Миловидное личико и изящная фигурка девушки создавали впечатление некой миниатюрности её внешности. Однако стоило Лизавете открыть рот, как становилось понятно, что она обладает необычным для такой комплекции низким грудным голосом, заставляющим невольно поражаться такому несоответствию.

Петруша стоял чуть поодаль, оставляя Лизавете место для быстрых манёвров вокруг моей персоны и не принимая участие во всей этой неразберихе. Серафима что-то тихо сказала ему, и он покинул мою опочивальню, быстро скрывшись за дверями.

Вообще, это была яркая колоритная тройца, словно из любимого детского мультлика про богатыря, его невесту и бабу в придачу. От этого сравнения мне стало почему-то весело. Я немного успокоилась и в сложившейся ситуации, пока не разобралась, что происходит, приняла решение просто наблюдать.

От суеты, производимой Лизаветой, у меня зрябило в глазах. После того как меня переодели в сорочку и ночной пеньюар, возложили на перины и подушки моей высоченной кровати, я могла слегка оглядеться.

Комната, которую Серафима называла опочивальней, скорее напоминала будуар молодой девушки. Просторное помещение было наполнено элегантной мебелью и тонкими деталями интерьера, отражающими вкус хозяйки. Рядом с кроватью расположился туалетный столик, на котором, как ни странно, возлежали стопкой томики в старинных переплётках. Вдоль стены были расставлены изящные пуфики, обтянутые дорогой тканью, и небольшие столики с вазами, наполненными живыми садовыми цветами.

Но центральным предметом мебели, помимо кровати, являлся платяной шкаф, который занимал значительную часть стены напротив. Массивная деревянная конструкция была украшена изящными резными элементами. Тёмные, почти черные доски красного дерева создавали эффект элегантной строгости и благородства. Двери шкафа были украшены искусной резьбой, изображающей хитросплетения виноградной лозы, причудливых птиц, райских цветов и диковинных животных.

От разглядывания этого шедевра меня отвлек визит доктора.

Как только Петруша возвестил о его приходе, суета вокруг меня усилилась вдвое.

– Зови, зови его скорей! – забеспокоилась Серафима. – Лизка, приготовь для Корнея Мефодича его любимого чайку с расстегаями!

Лизавета многозначительно хмыкнула и тотчас выбежала из комнаты.

Дверь отворилась, и передо мной предстал, как я поняла, собственной персоной обладатель редкого в нашу бытность имени – Корней Мефодич.

В глаза сразу бросились его худоба и чопорность в выборе одежды. На нем был тёмный сюртук с жилетом, белая рубашка с высоким воротником и аккуратно завязанным черным галстуком.

С виду это был строгий мужчина средних лет, но стоило ему улыбнуться, как сразу становилось понятно, что доктор человек добрый и, по всей видимости, отзывчивый, раз, несмотря на поздний час, явился по первому зову и при полном параде.

– Ну, что у нас на этот раз случилось, любезнейшая Софья Лаврентьевна? – вместо приветствия спросил Корней Мефодич, обращаясь ко мне.

Озадаченная именем, которым меня назвали, я сурово ответила:

– Нога!

– Ну-у-у, – протянул доктор, – ноженька-то ваша теперь до конца жизни болеть будет, придется с этим смириться. Вы сегодня опять ходили без палочки?

Я утвердительно кивнула, что-то, а это я прекрасно помню – на официальном приеме в Доме сенатора палочки у меня не было, да и это было мне ни к чему.

– И что же вы хотели? – философски заметил эскулап. – Дали непосильную нагрузку на больной сустав, вот боли и пошли.

Доктор открыл свой чемоданчик, покопался в нём, достал какие-то пакетики и сказал:

– Если совсем уснуть не сможете, выпейте чайку с порошочком...

– Морфин? – поинтересовалась я.

– Травки! – оторопело воскликнул Корней Мефодич и как-то странно на меня посмотрел.

– Я слышал от Серафимы Петровны, – осторожно продолжил доктор, – что вы опять за очередной книгой по лесенке лазали, оступились и головой ударились, память потеряли и себя не помните...

– Ничего страшного, – парировала я, – лёгкая амнезия, скоро поправлюсь...

А про себя подумала, что если боль в ноге постоянное состояние для организма, то присутствие доктора мне уже ни чем не поможет. Это меня немного успокоило, я грешила на серьёзную травму после падения с высоты, но с другой стороны сильно взволновало – по

какому-то роковому стечению обстоятельств я, Лидия Новоселова, попала в чужое тело, в чужую жизнь и в чужую эпоху...

Корней Мефодич продолжал смотреть на меня как на «обезьяну в скафандре», потом перевёл взгляд на стопку книг, громоздящуюся на туалетном столике, печально вздохнул и участливо произнес:

– Не забивали бы вы, барышня, свою головку всякой книжной ерундой, в ваши лета это особо вредно.

– Да, кстати, а сколько мне лет? – пользуясь предлогом о временной амнезии, поинтересовалась я у доктора.

– Да уж, скоро восемнадцатый годок пойдет, – торжественно выдал врачеватель так, как будто это означало конец света.

– Всего-то, – глупо заулыбалась я. Корнею Мефодичу знать совсем не обязательно, что падением сквозь реальность я помолодела, по крайней мере, на 14 лет.

Меж тем доктор нравоучительно продолжал:

– Это как посмотреть, ещё годок – другой, и старой девой начнут величать.

Меня это веселило пуще прежнего – вот ведь проблемы! Выходит, что в свои 32 года я в «старых девах» пересидела.

Понимая, что затянувшийся визит врача пора заканчивать, я взяла инициативу в свои руки.

– Хорошо, – оптимистично проговорила я, только чтобы доктор побыстрее убрался восвояси, – обещаю, что больше не буду нарушать предписанный мне ортопедический режим; буду пользоваться тростью, чтобы не напрягать сустав; выпью чайку с валерьяной, чтобы быть спокойнее; не буду лазить по лесенкам с больной головой, памятуя о том, что больная голова ногам покоя не дает...

Я поздно заметила, что с каждой моей отчеканенной фразой у Корнея Мефодича всё шире открывается рот, и глаза выходят из орбит. Тут уж я испугалась за его здоровье и громко рявкнула:

– Лизка!!! Серафима! Петро! – когда все трое появились в поле моего зрения и, не мигая, стали тарашиться на меня, я указала на эскулапа и растерянно пролепетала:

– Доктору плохо!

Ахнув, Серафима подскочила к Корнею Мефодичу, подхватила его под белы ручки и, велев Петруше бежать в её покои за какими-то волшебными нюхательными солями, тихонечко повела эскулапа прочь из моей комнаты.

Когда Корней Мефодич покинул мою опочивальню, мы остались одни с Лизаветой, которая копошилась у стола, приготавливая для меня успокоительные чаи.

Оглядываясь по сторонам, я заприметила большую раму, занавешенную тёмно-зелёными шторами, сочетающимися по цвету с балдахином над кроватью.

– Лизавета, скажи, батюшку какого дня схоронили? – спросила я снующую вокруг меня девицу.

– Ой! Что вы такое говорите! – пробасила она. – Вот уже четыре Луны прошло, как Лаврентий Михайлович нас покинул.

Ещё не совсем разобравшись в смысле сказанного в Лизкиных словах, я продолжала:

– А почему тогда вешала с зеркал до сих пор не убрали? Всё ещё стоят, как при покойнике в доме.

Девушка как-то странно посмотрела на меня и проямлила:

– Так это же ваше распоряжение, вы же всячески от зеркал-то прячетесь...

Не успев подумать, о чем это она говорит, я обрадовалась, что попала в точку – рама под завесой оказалась зеркалом!

Меня сразу как магнитом потянуло к нему. Стараясь скрыть свое нетерпение, я решила дожидаться, когда Лизавета закончит все хлопоты обо мне на сегодня и оставит, наконец, в одиночестве...

Ждать пришлось недолго. Как только за горничной закрылась дверь, я попыталась вскочить с кровати и подбежать к зеркалу. Но не тут-то было!

Во-первых, кровать оказалась достаточно высокой, и просто спрыгнуть с неё, памятуя о больной ноге, я не решилась.

Во-вторых, моё новое тело не принимало моих физических порывов и просто отказывалось работать в заданном темпе.

В-третьих, я банально запуталась в длинных незнакомых одеждах, так как привыкла ложиться спать в простой хлопковой пижаме.

Итак, начнём всё заново и в обратном порядке.

Первым моим желанием было просто сбросить всё то, что на мне надето сейчас, но, немного поразмыслив и вспомнив, сколько сил было затрачено на процедуру переодевания, я решила повременить с этим. Тихонечко расправив полы пеньюара, я высвободила «свои» ноги в полосатых носках и, не торопясь, приблизилась к краю кровати. Для подстраховки и более мягкого приземления скинула пару подушек вниз, пытаясь создать эффект гимнастического мата, и медленно начала спуск, придерживаясь за свесившиеся борта одеяла.

– У-у-уф! – удовлетворенно пробурчала я, понимая, что очутилась на полу без видимых потерь для здоровья, не считая того, что оказалась нахлобученной сверху скатившимся вслед за мной одеялом, и, похоже, не одним.

Выбравшись из кучи постельных принадлежностей, оказавшихся вместе со мной на полу, я неспешно начала пересекать комнату, приближаясь к заветной цели – зеркалу под зеленым занавесом.

Подойдя вплотную к занавешенной раме, я на секунду замешкалась, что же я могу там увидеть: свое лицо, к которому я привыкла за 32 года, или чужой облик? Решительно отбросив все сомнения, я яростно рванула штору вниз и застыла в недоумении – на меня смотрела взъерошенная, испуганная, совсем юная девушка в странном головном уборе и в многослойных светлых одеждах.

Подвигав руками и ногами, убедившись, что это действительно мое отражение, я с облегчением вздохнула: две руки, две ноги, голова, шея – всё как у всех, значит, жить можно. Я стянула с головы чепец, и мне на плечи упал целый каскад ярко-рыжих кудряшек. Приблизив лицо к зеркалу, я увидела, что стала обладательницей огромных, просто бездонных глаз, вздернутого носика и весёлой россыпи золотистых крапинок веснушек на всех виднеющихся местах...

Продолжая заворочено разглядывать свой новый образ, я задумчиво протянула:

– Ну, здравствуй, Софьюшка! Меня зовут Лидия...

И, хмыкнув, подумала про себя: «Вот и я теперь Конопатое недоразумение».

Потом всплыли в памяти какие-то обрывки фраз, закрытое зеркало, в которое хозяйка не хотела смотреться, горестный Димкин взгляд, когда мы дразнили его «рыжим – конопатым», добавляя нередко и про лопату, начиная кое-что понимать, я горестно констатировала:

– Видать, не любила ты себя, Софьюшка...

– Нет, не любила, – услышала я совсем близко печальный вздох.

Громко вскрикнув от неожиданности, я провалилась в темноту.

Глава 4

Мне снился странный сон – яркий, красочный, но напряженный и болезненный. Как будто я стою на вершине холма и смотрю вдаль, за горизонт. Там я вижу свой родной городок и школьную подругу. Вижу так отчетливо, что, кажется, – только протяни руку и сможешь дотронуться до неё. Татьяна привычно смеётся своим гортанным смехом. Хотя нет, не смеётся, а плачет. Странно, но я не помню её рыдающей. Рядом с ней стоит мужчина, и я вдруг понимаю, что это и есть её Васятка, хотя мне его ни разу не довелось увидеть. Он трогательно прижимает её к себе, видимо, пытаясь успокоить. Совсем неподалёку от них мается Димка. Роба у него помятая, прямо скажем, с большого похмелья. Он как-то виновато поглядывает в сторону сестры, но при этом не говорит ни слова сожаления...

Потом увидела себя в роли балеринки из музыкальной шкатулки: я стою на одной ноге, а вторую, больную, подогнула под себя, словно цапля, и пытаюсь вальсировать в этой позе. Вдруг крышка шкатулки захлопнулась, и я оказалась в полной темноте. Меня сперва напугала крошечная тьма, а потом я стала понимать, что здесь катастрофически не хватает кислорода, и я начинаю задыхаться...

Силась схватить ртом хотя бы ещё один глоток воздуха, я громко закричала и проснулась.

– Тебе тоже снится этот сон? – спросил меня тоненький голосок, исходивший откуда-то поблизости.

Я отчаянно начала вертеть головой, пытаюсь выяснить, кто здесь прячется, так как в поле зрения никого не наблюдалось.

– Только не хлопнись опять в обморок, – предупредил меня голосок.

Судорожно пытаюсь вспомнить, где я его слышала, неуверенно переспросила:

– А когда я, по-твоему, падала в обморок?

– А вчера вечером? Кто целое представление устроил? – и невидимый собеседник весело хохотнул.

– Вчера вечером много чего случилось, – вздохнула я, – в том числе и представлений тоже было много.

Картины вчерашних событий, одна за другой, начали уверенно выбираться из памяти. Обморока я не наблюдала.

Видимо, поняв мою растерянность, невидимый собеседник решил уточнить:

– Ну, это когда ты на мои веснушки глазела! Потом заорала и ... хлоп!

– Софья!?! – изумилась я, – Ну и где ты!

– Как где!? У себя, в своём теле!

– А я тогда где? – совсем растерялось моё сознание.

– Ты тоже в моём теле!!! Только я ничего не понимаю, почему вдруг моё тело тебя слушается, а меня, его хозяйку, нет!

Вот как всё завершилось!!!

Я тоже ничего не понимаю: значит, нас двое в одной сущности, но управлять всеми процессами этого организма, доверено мне...

Софья тихонечко захныкала. Только этого мне не хватало!

– Тихо, тихо, – пыталась я успокоить девчонку, – разберёмся!

– Правда? – с надеждой в голосе спросила девушка.

– Конечно! – заверила я, – Ты расскажешь, что ты знаешь, я расскажу, что я знаю, глядишь, придём к общим знаменателям и выясним, как выйти из этой ситуации.

Тут в комнату заглянула Лизавета:

– Доброе утро, барышня! Как вы себя чувствуете? Сегодня получше?

– Не верь ей! – зашептала мне Софья, – Лизка вредина!

Я озадаченно посмотрела на горничную, но она и бровью не повела, будто что-то услышала.

На всякий случай переспросила Софью:

– А она тебя слышит?

– Не-а, – небрежно ответил голосок, – я вчера так орала, что бы меня услышали, и ... ничего.

– Когда? – удивилась я.

– Когда ты в обмороке отлёживалась, а они тебя все вместе пытались в чувства привести. Вот, значит, как дело было.

Меж тем Лизавета продолжала на меня вопросительно смотреть:

– Помочь вам одеться барышня или ещё в постели почивать будете?

– Лизонька, милая, – начала я, – принеси-ка что-нибудь перекусить, а там дальше посмотрим.

Лизавета одарила меня озабоченным взглядом, но всё-таки вышла из комнаты.

– И что ты собираешься делать? – настойчиво допытывалась Софьюшка.

– Сначала подобрать удобную одежду, у меня нет привычки расхаживать в длинных платьях.

Я попыталась сообразить, как мне на этот раз выполнить маневр спрыгивания с постели, на что Софья с усмешкой заметила:

– Там ступеньки есть, только с другой стороны.

И правда, с другой стороны моего высокого ложа была приставлена простая лесенка буквально из двух ступенек, которая позволяла без всякого риска для жизни и здоровья взбираться на него и покидать беспрепятственно.

«Вот ведь, глупая!» – ругала я себя за то, что вчера поторопилась и даже не осмотрела всю кровать целиком. «А интересно, мысли она мои тоже читает?» – подумалось мне.

Спустившись на пол, я привычными упражнениями чуть-чуть размяла мышцы тела, чтобы согнать остатки сна.

– Что ты делаешь? – услышала я надоевший мне за это утро голосок.

– Зарядку! – удивившись этому вопросу, задала встречный, – А ты вообще физкультурой занималась?

– Нет, не помню, – растерялась Софья. – А что это?

Вошла Лизавета с подносом в руках:

– Всё-таки решили встать, барышня? – она привычным движением расставила столовые приборы, наливая в кружку свежеприготовленный чай.

– Спасибо, Лизонька, можешь идти.

Девушка стояла, как вкопанная, хлопая глазами:

– А помочь одеться, барышня?

– Я еще не выбрала наряда на сегодня, – начала, было, я, но тут увидела, что зеркало опять занавешено, – Лизавета, прошу раз и навсегда, уберите со всех зеркал в доме всевозможные шторки, портьеры, жалюзи, всё это напоминает мне о ...

Я не успела договорить, как в комнату влетела Серафима и начала давать горничной многочисленные распоряжения относительно моей персоны, которые шли вразрез с моими пожеланиями.

– Стоять!!! – громко рыкнула я, – Все на выход!!!

– Софьюшка, дитяtko, – начала, было, Серафима Петровна, но я её громогласно перебила:

– На выход!!!

– Лихо ты с ними! – восхитилась Софьюшка.

– Я бы и тебя послала, – честно призналась я, – но, увы, не знаю как!

Мне показалось, или Софья насупилась?

– Ладно, не обижайся, – попыталась я примириться, – мне необходимо многое обдумать, а ты всё время задаёшь разные вопросы и отвлекаешь меня своими разговорами.

– Хорошо, – согласилась девчонка, – я постараюсь больше молчать.

Первое, что я решила сделать, – это позавтракать. Чай остыть ещё не успел, к нему прилагались не то сухарики, не то тосты и небольшая вазочка с джемом. Вполне себе итальянский завтрак. Интересно, а есть возможность через пару часов заказать итальянскую пасту?

Хотела расспросить Софью о регламенте питания в доме, но решила пока не беспокоить, девчонка честно исполняла своё обещание – просто молчала.

Вторым по списку моих дел на сегодня – разбор гардероба. Но для того чтобы сделать выбор одежды, мне надо было взглянуть на исходные данные, то есть на своё новое тело. Я освободила от занавесок зеркало и начала снимать с себя тот самый многослойный наряд, в который меня облачили накануне.

Послышалось тихое хихиканье:

– Ну, прости, что мешаю, – взмолилась Софья, – мне очень интересно! А зачем ты это делаешь?

– Мне надо увидеть, в какой форме ты держишь свою фигуру, раз ты слыхом не слыхивала о физкультуре.

Осматривая себя в зеркало, я четко осознавала, что тело, которое я позаимствовала, не моё, но мне придется учесть все его особенности, чтобы вовремя скорректировать возможные проблемы, я как-никак опытный инструктор по фитнесу.

Фигура Софьи принадлежала к типу «песочные часы»: чётко очерченная тонкая талия, ширина бёдер пропорциональна ширине грудной клетки, грудь средних размеров, плечи округлые, но при этом изящные. Для хорошего баланса необходимо было подкачать ягодичные мышцы, усилить пресс, а также повысить мышечный тонус рук и ног. Тело молодое – справиться с постепенным усилением физической нагрузки.

В голове уже складывался необходимый режим тренировок, как в дверь осторожно постучали...

– Можно, барышня? – с опаской в голосе пробасила Лизавета.

– Да, Лизонька, заходи. Что-то случилось? – в спешке накидывая на себя пеньюар, пригласила я девушку войти.

– Ага! Серафима Петровна слегла, говорит, что голова разболелась от всех свалившихся переживаний, а распоряджений по поводу стряпни на сегодня никаких не дала.

– Хорошо, поняла, сейчас спущусь на кухню, сообразим, – пообещала я горничной и решительно двинулась к платяному шкафу.

Резко распахнув двери одного шедевра мебельного мастерства, я опять услышала занудный голосок:

– Эй, поосторожней там, оторвёшь петли-то! С ними бережно надо обходиться, плавно дверцы открывать...

– Учту, – буркнула я, с удивлением рассматривая внутреннее убранство шкафа, пространство которого было поделено на несколько функциональных зон. Здесь были отделения для платьев, юбок, блузок и прочих предметов гардероба юной девушки. Приглушенные серо-зеленые оттенки тусклых тканей, из которых была выполнена львиная доля висевших здесь дамских туалетов, особо не радовала глаз.

На верхней полке аккуратно были сложены головные уборы, которые тоже не отличались изысканностью. На полках, обтянутых мягкой тканью, лежали предметы одежды, с назначением которых мне ещё предстоит разобраться. Ниже располагалось отделение для обуви, где я обнаружила несколько старых, растоптанных туфель и сапог.

Увы, но убранство шкафа выглядело куда лучше его содержимого...

Я, конечно, никогда не была снобом, но вот чтобы закомплексованную из-за своей внешности девчонку, одевать как пугало, а потом корить её из-за отсутствия женихов – это уже слишком!

Выбрав платье серого цвета, памятуя о том, что меня ждет на кухне Лизавета, вслух удрученно произнесла:

– Обувь приличная есть в доме? – ответа не последовало. – Тогда лучше в носках.

– Не советую, – всё же отозвалась Софья, – надень коричневые туфли, они удобнее будут.

Нахлобучив на голову льняной чепец, выбранный в тон «мышинному» платью, я согласилась:

– Хорошо! Показывай, – и тут же поправились, – то есть рассказывай дорогу!

По Софьиным подсказкам я достаточно быстро отыскала помещение, которое можно было назвать кухней.

Всю дорогу до кухни Софья насмешливо донимала меня тем, что, видите ли, оделась я не по современным правилам: пропустила пару предметов белья, недобрала в количестве нижних юбок, перепутала назначение чего-то с чем-то, даже не могу повторить их названия, а цели их использования и вовсе оставались для меня пока загадкой.

– Позже, позже, – бубнила я, отмахиваясь от её откровенных издёвок. Вот ведь какая «поганая» девица оказывается!

Планировка дома была устроена так, что на первом этаже располагались основные комнаты, совмещавшие парадное и бытовое назначение. От Софьи я узнала, что в этой части особняка проживают и Серафима с Лизаветой, чтобы всегда быть при хозяевах, то есть под рукой. Кухарка приходит готовить каждое утро, но закупкой продуктов и их распределением ведаёт Серафима Петровна. Петруша в самом доме не живет, а пользуется комнатенкой во флигеле, выполняя по хозяйству все основные мужские обязанности.

Кухня находилась вдалеке от парадных покоев и имела еще один вход со двора. Это было небольшое помещение со всякой необходимой домашней утварью и большой чугунной плитой. Через перегородку, в соседнем отсеке, стояла массивная русская печь, где, по-видимому, пекли пироги и расстегаи, так как в воздухе витали ароматы свежей выпечки.

Посуды было довольно много: чугунные сковороды, медные кастрюли, котлы различных размеров. Полки вдоль стен были заставлены разнообразными столовыми принадлежностями и припасами. В буфетном шкафу стопочками лежали белоснежные скатерти и салфетки. У меня создалось впечатление, что каждый предмет здесь находился точно на своем месте, и руководила всем этим опытная и знающая хозяйка.

Я нашла Лизавету у большого дубового стола, на котором аккуратными кучками были разложены свежие овощи от помидоров и огурцов до лука и моркови. Тут же за столом восседала с озабоченным видом Серафима Петровна, чьё появление в полном здравии чрезвычайно меня обрадовало.

– Заготовками решили заняться? – чтобы разрядить обстановку, весело воскликнула я.

– Вроде того, – буркнула раздосадованная Лизавета.

По её виду я поняла, что это занятие ей совсем не по душе. Зато Серафима Петровна была явно увлечена происходящим. Её глаза воодушевленно горели, пока она вчитывалась в какой-то рецепт из толстой книги, лежавшей в центре стола. Вероятно, что-то просчитывая про себя, её рука машинально перебирала разложенные овощи. Вдруг она остановилась, взгляд стал более осмысленным и, подняв указательный палец вверх, загадочным голосом произнесла:

– Чеснок! Мы забыли про чеснок!

Потом, заметив меня, подскочила и засуетилась:

– Барышня, чего пожелаете? Что вас привело на кухню-то, сейчас накроем всё к завтраку в столовой, – и привычно завопила, умело распорядившись: – Лизка! Накрывай столы!

Лизавета, с видимым облегчением и присушим ей рвением, принялась выполнять её указания. Мне пришлось ретироваться, чтобы не попасть под этот вихрь, создаваемый усердной девицей.

– Как ваше здоровье, Серафима Петровна? – задала я интересующий меня вопрос. – Мне сказали, что вы приболели.

– Всё в порядке, Софьюшка, – зло зыркнув на Лизку, ответила женщина. – Лишь лёгкое недомогание, от которого я быстро оправилась.

– Вот и отлично! – с облегчением выдохнула я. В моей ситуации «потерять» опытного помощника в лице Серафимы Петровны, знающей, как вести хозяйство большого дома, было бы весьма расточительно. Софья в этом деле вряд ли была так же сведуща, как домоправительница, а Лизавета уже показала свою растерянность и неспособность принимать решения в частных бытовых вопросах.

Умыкнув из корзинки, стоявшей на столе, свежеиспеченный расстегай, я, вполне довольная и счастливая, покинула кухню. Последнее, что я увидела, как Серафима озадаченно всплеснула руками, глядя мне вслед.

Плотно и сытно позавтракав, я по настоянию Софьи, пошла в библиотеку. Она всё время талдычила о важности какой-то книги, которую вчера искала, и из-за которой свалилась с лесенки, повредив большую ногу.

Кстати о ноге: сегодня я не ощущала резкой боли, только небольшая хромота, которая не мешала мне вполне сносно и быстро передвигаться.

Войдя в библиотеку, мне захотелось всё здесь подробно осмотреть при дневном свете, но Софья торопила, подгоняя словами:

– Потом поглазеешь! Надо первыми добраться до этой книги!

Многочисленно произнесённая фраза меня заинтриговала, комната была пустынна и очереди за формулярами не наблюдалось.

– Что ты этим хочешь сказать? – спросила я девицу, с которой, по странному стечению обстоятельств, делила тело. – Кто-то ещё ищет её?

– Пока не разобралась в ситуации, – как-то неопределенно ответила Софья, и зловещим шёпотом добавила: – Начали твориться какие-то странности вокруг нашего дома: неизвестные ранее люди стали настойчиво навещать батюшку, потом его самоубийство, а теперь...

Девушка замолчала, видимо, не в силах справиться с волнением по поводу случившегося с нами необъяснимого явления. Я тоже не торопила её с расспросами, хотя по ушам резануло слово «самоубийство» относительно участи отца Софьи.

Подойдя к стеллажу, подле которого я очнулась вчера в чужой эпохе, Софья пояснила, какой именно формуляр нам нужен. Мне следовало залезть по хлипкой лесенке достаточно высоко, чтобы забрать нужный экземпляр.

Я скинула с ног растоптанную обувь, и в носках, довольно ловко забралась наверх. Потянув на себя одной рукой заветный томик, я крепко второй держалась за лесенку. Вскоре встал вопрос: как спуститься с книгой, которая попросту блокировала работу одной руки.

Недолго думая, я бросила ее вниз, а сама, как мартышка, спустилась вслед за ней.

– Ты что творишь? – возмущенно взвизгнула Софья. – Это же старинный фолиант!!!

Однако мой маневр возымел знаковые для нас последствия: из раскрытой от удара об пол книги выпал невзрачный листочек, исписанный мелким почерком.

– Что это? – озадаченно пролепетала Софья, разглядывая поднятую мной выпавшую страницу, и тут же взволнованно воскликнула: – Боже мой! Это записка моей матушки!!!

Проявляя нескрываемый интерес к этой неожиданной находке, я подхватила лежащую на полу книгу и быстро засеменила в свою, то есть в Софью комнату.

В этот момент мы мыслили с ней одинаково – нам предстоит во многом разобраться!

Удобно устроившись на своем высоком ложе, я стала старательно тарашиться на листок, выпавший из книги. Дело в том, что я совсем не понимала местной грамоты, а Софья смотрела на происходящее «моими» глазами. У нас создался определенный тандем – я смотрю, она читает.

Поначалу всё было относительно спокойно, затем я услышала приглушенные всхлипы девушки, а потом она просто разрыдалась. Видимо, чтение послания от её покойной матушки сильно растрожило Софью.

Терпеливо переждав её истерику, я все же рискнула поинтересоваться, что же такого важного узнала она из письма. Немного помолчав, редко всхлипывая, Софья начала читать послание вслух: «Моя дорогая любимая доченька! Возможно, мы с тобой никогда не увидимся. Так уж повелось, что женщины нашего рода, давая новую жизнь более сильным представительницам, могут лишиться своей. А ты сильная! Я это точно знаю!

Мне было даровано счастье видеть свою мать, твою бабушку, лишь потому, что у меня не было этой магической силы, которая передается в нашем роду через поколение. Тебе уготована другая участь.

Я знаю, что ты найдешь это письмо, которое я вложила в последний, пятый формуляр «Магических заклятий», наложенных на тебя, ещё не родившееся дитя, твоей бабкой, Габриэлой, с целью уберечь от Тёмных сил зла. Я также знаю, что тебе предстоит раскрыть тайну этих пяти заклятий, чтобы в своё время снять их. Большого я не могу тебе рассказать.

Я очень люблю тебя!

И ещё: доверься Хранителю, он будет тебе надёжной защитой! Особо прошу тебя – береги нашу фамильную шкатулку. В ней твоя сила, и твоя слабость! Ни в коем случае не передавай её в чужие руки! Никогда!»

После прочтения этого послания, вопросов у меня появилось куда больше, чем ответов. Магические заклятия, Хранитель, Тёмные силы – всё это было вне зоны моего понимания. Надо будет переспросить у Софьи, что нового открыло ей письмо матери.

Единственное, что я для себя отметила при чтении – это информация о некоей фамильной шкатулке, как можно было предположить, именно её я вертела в своих руках перед тем, как очутиться в этом мире.

Поддавшись порыву, я схватила вещицу с туалетного столика, куда водрузила её вчера вечером, после транспортировки из библиотеки, и стала вертеть в руках, внимательно вглядываясь в каждую деталь внешнего облика антикварной вещицы.

– Что ты делаешь? – спросила меня Софья вполне спокойным после эмоциональных переживаний, голосом.

– Понимаешь, – начала свой рассказ я, – именно твою шкатулку я держала в руках перед тем, как очутиться здесь.

– Этого не может быть! – озадаченно воскликнула девушка. – Шкатулка всё время была у меня! Ты, наверное, что-то путаешь!

Я вкратце поведала ей о том, как нашла шкатулку между старыми лагами реставрируемого особняка, как смотрела на танцующую балерину и слушала музыку старинного вальса, даже стала напевать заворожившую меня в тот момент мелодию. Софья начала тихонечко вторить моему напеву своим нежным голосом и вскоре нам пришлось убедиться, что мы действительно говорим об одном и том же предмете.

– Но как такое возможно! – не унималась девушка. – Я никогда не выпускала шкатулку из вида!

В моей голове стала потихоньку выстраиваться логическая цепочка: шкатулка, как предмет, обладающий какими-то магическими силами, вполне могла перенести меня в другой мир. Но остается вопрос – как сам этот магический артефакт мог очутиться в моем времени, если в этот момент, по заверениям Софьи, оставался здесь?

От размышлений меня прервал визит Серафимы Петровны. Она с озабоченным видом появилась на пороге моей комнаты:

– Барышня, – как-то рассеянно начала домоправительница, – прибыл посыльный от поверенного, Савелия Игнатьевича. Тот просит принять его завтра в неотложном порядке. Что ему ответить-то?

– Хорошо, пусть подходит к одиннадцати часам, – ответила я переминающейся с ноги на ногу женщине, прикидывая про себя, что к этому времени я смогу уже привести себя в порядок перед приемом официального лица, а также, в случае необходимости пригласить его на обед.

Глава 5

Раннее утро застало меня врасплох, обрушив ворох первостепенных забот, связанных с предстоящей встречей с поверенным отца Софьи.

Накануне вечер прошёл на удивление тихо. Софья, эмоционально вымотанная тяжелыми впечатлениями за день, ушла в себя, отмалчивалась, избегая общения. Я ей не мешала и не донимала девчонку своими вопросами, хотя по ходу дня их накопилось у меня достаточно много.

Как и планировала, я накидала программу тренировок, провела первое «вводное» занятие, чтобы оценить возможности этого нового тела, такие как гибкость, выносливость, ловкость, быстрота и сила. Помня о травмированной ноге, подобрала щадящий комплекс упражнений, учитывая эту особенность. Нужно будет непременно вывести у Софьи, как и когда она умудрилась так покалечиться, что осталась «хромоножкой» на всю жизнь.

С помощью Лизаветы я приняла ванну, с удовольствием отметив для себя достаточные удобства и комфортабельность этого процесса в условиях отсутствия центрального водопровода с подачей горячей воды.

Провела ревизию в Софьиных запасах косметики, нанеся после водных процедур скорее по привычке, чем по необходимости, какой-то питательный крем, надеясь, что завтра прыщи от него не повылезают на молодой коже. Подсушив влажные локоны, я принялась их бережно расчесывать специальной щеткой, найденной тут же, на полочке с косметикой. . .

Ярко-рыжие волосы окутывали лицо Софьи мелкими кудряшками и в свободном состоянии, ни чем не сдерживаемые, длиной доходили практически до талии. При каждом движении расчески по пышной шевелюре, они озарялись в лучах заходящего солнца, проникающих в комнату сквозь не зашторенные окна, подобно языкам пламени, танцующим в такт легким прикосновениям.

Я была просто очарована этой картиной и подумала, что грех такую красоту прятать под «старушечьими» чепцами.

Проходя в студенческие годы педагогическую практику в летнем лагере, я переплела столько косичек своим подопечным, опробовала столько замысловатых причесок для юных модниц, что, думаю, с укладкой Софьиных волос я легко справлюсь, тем более что проблем с отсутствием шпилек и заколок не наблюдалось.

Оставалось подобрать платье для деловой встречи с поверенным, и можно отправляться спать.

В этот вечер у меня было больше времени, чтобы ещё раз, более детально рассмотреть Софьин гардероб. Да, действительно, цветовая палитра не отличалась радужностью красок, но, в принципе, этого и не требовалось. Ткани, из которых были сшиты туалеты молодой барышни, восхищали особым качеством и шармом. На полочках я нашла и большую шкатулку для драгоценностей, где хранились украшения из жемчуга, всевозможные браслеты, броши, кольца, серьги. В отдельном отсеке лежало массивное, старинное ожерелье из драгоценных камней, возможно, бриллиантов или сапфиров (я не особый знаток в этом деле) в затейливом витиеватом дизайне.

Остановив исследовательский интерес по изучению содержимого платяного шкафа, я решила сконцентрироваться на выборе наряда для предстоящей деловой встречи. Мой взгляд упал на строгое платье из тонкого шёлка приглушенного серого оттенка, плавно ниспадающего по подолу до самого пола. Лифкорсет подчеркнёт изящную талию, воротник-стойка придаст образу строгость. Длинные рукава из такой же ткани закроют руки до самых кистей. Я осталась довольна этой «находкой» и отправилась в кровать.

Закончив легкий завтрак у себя в комнате, я решила согласиться на помощь Лизаветы в одевании, что бы на этот раз ничего не перепутать и не выглядеть полной дурёхой.

Девушка достаточно ловко и быстро облачила меня в тот наряд, который был выбран накануне. Дополнив образ маленькими серебряными сережками и небольшим жемчужным ожерельем, которое изящно обрамляло шею, я осталась довольна своим отражением в зеркале.

Проигнорировав очередной чепец, протянутый мне Лизаветой, я принялась укладывать локоны в незамысловатую элегантную причёску а-ля французский пучок. Волосы были податливы и послушны, что явилось для меня приятной неожиданностью. Получилось даже лучше, чем я предполагала: выбившись из общего потока гладко приглаженных локонов, озорная прядь рыжих кудряшек лукаво обрамляла лицо, придавая всему облику налет непосредственности и непринужденности.

«Ну что же, господин поверенный, я практически готова к встрече!» – подумалось мне, хотя это было далеко не так.

Уже сидя в отцовском кабинете, куда меня проводила обескураженная моим видом Серафима Петровна, я пыталась поговорить с Софьей, чтобы та поделилась со мной любой информацией, касающейся дел её отца. Но девушка лишь рассеянно ответила, что никогда этим ранее не интересовалась и опять надолго «ушла в себя».

Когда часы в кабинете пробили одиннадцать, дверь открылась, и на пороге возник полный, внушительных размеров мужчина, который, как я поняла, и был поверенным отца.

– Рад знакомству, любезнейшая Софья Лаврентьевна, – заговорил он неприятным гнусавым голосом. – Меня зовут Савелий Игнатьевич...

– Добрый день, Савелий Игнатьевич, – вторила я мужчине, приглашая войти в кабинет. – Чему обязана? Что за срочность вопроса, с которым вы к нам пожаловали?

Вообще, Савелий Игнатьевич произвёл на меня скорее негативное впечатление, и, как показали последующие события, предчувствия меня не обманули.

Его массивное округлое тело было обтянуто блестящей, как будто бы испещренной пятнами, помятой рубашкой. Каждое его движение сопровождалось тяжёлым сопением и натужным хрипом. В добавление ко всему сказанному, поверенный в делах отца являлся обладателем лоснящейся лысины, что не прибавляло ему привлекательности. А его высокопарная манера держаться и напыщенно говорить, странно причмокивая губами и пуская при этом слюну, тоже не выдерживала никакой критики.

– Софья Лаврентьевна, – начал он, когда наш обмен любезностями подошёл к завершению, – я человек прямой и без обиняков скажу – плохи ваши дела!

Что-что, а такой обескураживающей «прямоты» я от него не ожидала. Сказать, что я от этого заявления «опешила», это значит не сказать ничего.

– Так, любезный Савелий Игнатьевич, – попыталась я призвать поверенного к логической последовательности. – Давайте сначала и всё по порядку: в чём именно всё стало плохо, когда именно это случилось, по чьей вине это могло произойти, ну, в общем, как у классиков – кто виноват и что делать? Изложите мне своё видение событий, а потом уже будем делать выводы и умозаключения.

Савелий Игнатьевич вдруг пошел красными пятнами, и я догадалась, что он закипает от гнева.

– Ну-с, – начал поверенный каким-то по-детски обиженным тоном, – ваш батюшка, пустив себе пулю в лоб, совсем не позаботился о материальном положении своей дочери, то есть о Вас, Софья Лаврентьевна.

Прозвучали эти слова из его уст достаточно грубо, слышалась в них какая-то ироничная издёвка.

– А вот это, кстати, вам не кажется странным? – вклинилась я в его разглагольствования. – Обычно самоубийцы, заботящиеся о своих чадах, приводят свои финансовые дела в порядок, а уж потом, как вы выразились, «пускают себе пулю в лоб».

Мы смотрели друг на друга в упор, сверля противника глазами. Атмосфера в комнате постепенно накалялась.

– Подскажите, любезнейший Савелий Игнатьевич, а как давно вы служите у моего батюшки поверенным? – решила уточнить я некоторые детали.

– Так я, это, – пришёл в замешательство Савелий Игнатьевич, – и не служил у него. Я помощник, то есть партнер Фёдора Степановича, который и есть поверенный вашего отца. Но ввиду болезни он не может сейчас вести дела, вот я по своей инициативе и решил позаботиться о вас, любезнейшая Софья Лаврентьевна.

– Вот даже как! – негодовала я, не скрывая чувства отвращения к этому чванливому разряженному индюку, – То есть вы в глаза не видели ни моего отца, ни финансовых документов, оставленных после его кончины, но посмели прийти сюда и сообщить мне, его дочери, что всё плохо?

– Но документы я видел! – возопил помощник поверенного. – Кредиторы начинают волноваться: вот уже четыре месяца прошло со дня гибели вашего батюшки, а деньги не поступают на их счета. Вы становитесь неплатежеспособными, Софья Лаврентьевна. Еще два месяца, и всё ваше имущество пойдёт с молотка!

– Тогда предоставьте мне, эти документы, – взревела я. – Все бумаги: с датами и суммами, показывающими мою финансовую несостоятельность.

Чуть отдышавшись, я уже спокойнее аргументировала свое требование:

– Вы пришли сюда вести деловой разговор, а лишь размахиваете перед моим носом руками, не показав ни одной, даже мало-мальской бумажки.

Мой собеседник опять разгорячился и начал закипать, как чайник, вызывая чувство отвращения и дискомфорта. В конце концов, я не выдержала:

– Серафима Петровна, – громко позвала я, догадываясь, что та находится где-то неподалёку, стараясь подслушать наш разговор.

Домоправительница явилась в ту же секунду, сделав мои предположения достоверными.

– Проводите гостя на выход, – властно, чтобы не осталось никаких возражений, отчеканила свою просьбу. – Савелий Игнатьевич очень торопится к следующему своему клиенту.

– Хорошо, – зло прошипел помощник Фёдора Степановича, бешено вращая обезумевшими от гнева глазами, – будут вам документы, будут вам жандармы, будет вам и «Дом с молотка»!

– И вам не хворать! – вырвалось у меня, как реакция на несносное поведение своего собеседника. – Как только таких земля носит?!

Я всё еще сидела за батюшкиным столом, когда вернулась Серафима с озабоченным лицом.

– Выпроводили гостя? – устало поинтересовалась я, казалось, что этот визит выпил из меня все жизненные соки.

Домоправительница молча кивнула головой.

– А теперь рассказывайте, что знаете. Как на самом деле обстоят дела? И, пожалуйста, – спокойно попросила её, – не жалейте меня, не приукрашивайте реальную ситуацию, нам надо всё обдумать и решить, что будем делать дальше.

Понимая, что разговор будет нелёгким и долгим, я пригласила женщину присесть и она начала своё повествование:

– Поверенный вашего батюшки, Фёдор Степанович был человеком обстоятельным и ответственным. Когда с Лаврентием Михайловичем случилась беда, он приходил к нам в дом,

буквально через неделю после похорон, чтобы поговорить с вами, Софья Лаврентьевна, о положении дел. Только вот вы от горя тогда не в себе были, совсем ничего вокруг себя не видели, ничего не воспринимали.

Он ушёл ни с чем. Но перекинулся со мной парой фраз, из которых я узнала, что он, Фёдор Степанович, очень сильно сомневался, что такой рассудительный человек, как Лаврентий Михайлович, зная современные законы, не мог не позаботиться о будущем своей любимой дочери.

Ему это показалось крайне подозрительным, что он даже хотел писать лично императору и просить о расследовании дела о предполагаемом самоубийстве вашего батюшки службой императорского сыска.

А вот успел он это сделать или нет, этого мне не ведомо. Только дней через десять после его визита, Фёдор Степанович слёг с неизвестной болезнью и находится в беспмятстве по сей день, что называется «ни жив, ни мёртв».

Когда Серафима Петровна ушла распорядиться по поводу обеда, я сделала попытку поговорить с Софьей. Девушка совсем перестала выходить на связь, как будто забила в самый дальний угол комнаты, сидит там и дышать боится.

– Софья, – призвала я её к ответу, – ты что скажешь? Что тебе обо всём этом известно?

– У батюшки, – тихо отозвалась девушка, – все активы заморожены на счетах. По нашим законам через полгода, если не будет доказано обратное, деньги самоубийцы поступают в государственную казну.

– Почему? – удивилась я

– Считается, что человека довели до самоубийства, а виноваты в этом, как правило, родственники и ближний круг. Вот и не дают случиться вселенской несправедливости, лишают всё ближайшее окружение наследства погибшего от своей руки.

У меня, конечно, выстроился целый ряд вопросов к этому законодательному беспределу. Софья между тем продолжала:

– Хоть Серафима и говорит, что я не в себе была, но я помню, что объяснял мне в тот день Фёдор Степанович.

Матушкиным наследством я смогу распоряжаться с 21 года или когда выйду замуж, но эти активы могут отойти и к мужу, смотря как, кем и на каких условиях будет составлен брачный договор.

Есть ещё мой личный счет, но после смерти батюшки назначением платежей по завещанию должен был распоряжаться всё тот же Фёдор Степанович, который слёг от непонятной хвори и не приходит в себя уже более трёх месяцев.

– Прямо заговор какой-то! – вслух сказала я после Софьиного пояснения финансовой ситуации в доме.

Заговор!!! А ведь очень даже может быть! А это значит – ищи, кому выгодно!

Вспомнив, что говорила Серафима о сомнениях Фёдора Степановича по поводу самоубийства Софьиного отца, я всерьёз призадумалась и спросила девушку:

– Софья, скажи, а наследство твоей матушки большое?

– Угу, – неохотно буркнула она, – там добра не меряно, наследство древнего рода как-никак.

«А вот это уже кое-что!» – пронеслось у меня в голове.

– А потенциальных женихов у тебя много? – недвусмысленно поинтересовалась я. Вдруг здесь «трутся» охотники за приданым.

– Ни одного, – уныло вздохнула Софья, – да и батюшка никуда меня не отпускал. Только один раз с начала года и была на дне рождения кузины.

– Познакомилась с кем-нибудь? – не сдавалась я.

– Ну... – замялась девушка, – не то чтобы...

Возликовав, что попала в точку, я поняла – Софья влюблена. Надо будет осторожно спросить о предмете её интереса.

– А когда это было? – продолжила я допытываться. – Когда вы отмечали день рождения твоей кузины?

– В марте, кажется, – задумалась Софья и утвердительно добавила, – да-да, точно, в марте.

Так, если сейчас конец сентября, то отец девушки погиб в мае, а влюбилась она в марте, познакомившись на дне рождения кузины со своим «нареченным» (будем его пока так называть). Что же, логическая цепочка пока не нарушена. Возможно, что какого-то «хмыря» привлекло наследство девушки, которая совсем не опытна в амурных делах. Кроме того, Софья, не избалованная мужским вниманием, довольно легкая добыча для такого вида прохвостов. Пара комплиментов, и вот бедное сердечко молоденькой наивной девчонки попало в суровый капкан.

Потом, как ненужная помеха, погибает отец, будучи со своими тараканами в голове, не разрешавший этой девице нигде бывать. А это значит, не позволявший ей видаться с предметом тайной страсти. Всё обставляется как самоубийство. Казна забирает финансы отца, поверенный по завещанию очень вовремя превращается в «овощ». Остаётся только один выход избежать банкротства – спешно выйти замуж, чтобы в предсвадебной суете совсем забыться и составить брачный контракт в пользу будущего мужа...

Что же, вполне рабочая схема! Надо только понять, кто за этим может стоять...

И тут Софья неожиданно спросила:

– Лидия, а ты влюблялась когда-нибудь?

– Было дело, – буркнула я

– Прямо вот так, чтобы искры из глаз? – продолжала свой допрос романтично настроенная молодая особа

– Угу, – раздосадовано бубнила я, ругаясь про себя, что Софья своим любопытством мешает пораскинуть мозгами, и прерывает мои рассуждения.

– Расскажи, пожалуйста, так интересно!

Вот это уже слишком! Хотелось ответить что-то резкое, но, не желая обижать девчонку, сдержалась.

Да, был в моей жизни довольно лирично-романтический эпизод, который чуть не подвёл меня под монастырь, в прямом смысле этого слова.

Звали моего героя Леонид Потапенко – Лёнчик. Познакомились мы с ним ещё на абитуре, при поступлении в медицинскую академию. Надо сказать, что я всегда хотела стать врачом, вот и поехала поступать в областной центр из родного города. Только я не поступила, а Лёнчик поступил. Чтобы не терять год, мне пришлось срочно переквалифицироваться, что называется из «Мед» в «Пед», где я проучилась все пять лет.

Всё это время мы с Лёнчиком жили вместе на съёмной квартире, за которую, как ни странно, платила я, подрабатывая в разных местах в свободное от учёбы время. Лёнчик набирался знаний, на мой взгляд, как-то не очень уверенно, не стабильно и с явными пробуксовками. Чтобы парень не вылетел из академии, мне пришлось взять над ним шефство. Я писала за него контрольные работы, курсовые и даже диплом. Так и тянула два ВУЗа, плюс подработку на «хлеб насущный». Дура влюблённая, что тут скажешь!

Только вот «обмывать» свой диплом Лёнчик пошёл не со мной, а с ректорской дочкой. Вскоре он на ней и женился, буквально через два месяца, как съехал из нашего «семейного гнёздышка». Рядом со мной его уже ничего не держало. Молодец, Лида, выучила парня! А Лёнчику надо было жить дальше, делать карьеру. А у вас, Лидия Новосёлова, какие связи? Так что пеняйте на себя!!!

Пережив предательство Лёнчика, я больше не доверяю мужчинам и гоню от себя эту сопливую романтику «снегоуборочной лопатой».

Только Софье я постаралась рассказать самое красивое из этой истории, а именно начало романа, конфетно-букетный период, вздохи и признания на скамейке, в общем, то, что любят слушать романтично настроенные девицы её возраста. Про обман и предательство закончу в следующий раз.

Глава 6

После обеда мне захотелось выйти на улицу, погулять и подышать свежим воздухом. Я вдруг осознала, что, находясь в другом мире, ещё не видела его за пределами «своего» особняка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.